

Научная статья

УДК 2-335

DOI: 10.25803/26587599_2023_45_45

К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
ПРОТОПРЕСВИТЕРА АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА

Протоиерей Олег Агапов

Основные аспекты богословия протопресвитера Александра Шмемана в свете его отношения к культуре и творчеству

Протоиерей Олег Агапов, доктор богословия, канд. филол. наук, доцент,
профессор Самарского государственного университета путей сообщения, Самара,
Россия, ieroleg@yandex.ru

АННОТАЦИЯ: В данной статье основные аспекты богословия протопр. Александра Шмемана рассматриваются с учетом его глубокого интереса к культуре и искусству, особенно — к литературе. Этот интерес оказался продуктивен не только для работ о. Александра, посвященных различным писателям, поэтам и литературным произведениям, но и для его богословия. В статье кратко рассматривается история формирования этого интереса, отмечаются повлиявшие в этом отношении на Шмемана его учителя и предшественники: от архим. Феодора (Бухарева) — одного из первых русских богословов, проявивших уважительное отношение к русской светской литературе, — до прот. Сергия Булгакова и Владимира Вейдле, представителей Парижского богословия, оказавших серьезное влияние на о. Александра в годы его жизни в Париже. В статье предпринята попытка доказать, что отношение Шмемана к культуре как к религиозному феномену является ключом к его богословию. Понимание искусства как проявления религиозной глубины человека и богословия как высшего искусства, спроецированное на конкретные вопросы церковной истории, литургики, канонического права, вероучения оказывается продуктивным для глубокого и оригинального анализа, в котором

© Протоиерей Олег Агапов, 2023

одним из главных критериев подлинности того или иного произведения или вопроса является творческая свобода автора, имеющая религиозные истоки. Размышления о. Александра позволяют утверждать, что в его понимании богословие и религиозная жизнь неразрывно связаны с творчеством, а творчество — со свободой, свободным видением. Именно как творческий свободный прорыв к Богу осмысливается о. Александром и Евхаристия — центральное, основополагающее для жизни христианина таинство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: богословие, богословие культуры, творчество, протопр. Александр Шмеман, богословие истории, литургическое богословие, Евхаристия

для цитирования: Агапов Олег, прот. Основные аспекты богословия протопресвитера Александра Шмемана в свете его отношения к культуре и творчеству // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 45. С. 45–60.

DOI: 10.25803/26587599_2023_45_45.

ON THE 40TH ANNIVERSARY OF THE DEATH
OF PROTOPRESBYTER ALEXANDER SCHMEMAN

Fr. Oleg Agapov

The main aspects of Protopresbyter Alexander Shmemann's theology in the light of his attitude to culture and creativity

Fr. Oleg Agapov, Dr. Sci. (Theology), Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor, Samara State University of Communications, Samara, Russia, ieroleg@yandex.ru

ABSTRACT: In this article the main aspects of Protopresbyter Alexander Shmemann's theology are examined in the light of his deep interest in culture and art, especially literature. This interest proved productive not only for Fr. Alexander's writings dedicated to various writers, poets and literary works, but also for his theology. The article briefly discusses the history of the formation of this interest and points out the teachers and predecessors who influenced Schmemann in this respect: from Archbishop Feodor (Bukharev) — one of the first Russian theologians to show respect for Russian secular literature — to Archpriest Sergius Bulgakov and Vladimir Weidle, representatives of Parisian theology, who had a serious influence on Fr. Alexander during his life in Paris. The article attempts to prove that Schmemann's attitude to

culture as a religious phenomenon is the key to his theology. It is the understanding of art as a manifestation of the religious depth of man and theology as the highest art, projected onto specific issues of church history, liturgy, canon law and doctrine that proves productive of deep and original analysis, in which one of the main criteria for the authenticity of a given work or issue under consideration is the creative freedom of the author, which has religious origins. The reflections of Fr. Alexander suggest that in his understanding, theology and religious life are inextricably linked with creativity, and creativity with freedom, with free vision. It is precisely as a creative free breakthrough to God that Fr. Alexander comprehends the Eucharist — the central, fundamental sacrament for the life of a Christian.

KEYWORDS: theology, theology of culture, creation, Fr. Alexander Schmemmann, theology of history, liturgical theology, Eucharist

FOR CITATION: Agapov Oleg, Fr. (2023). “The main aspects of Protopresbyter Alexander Shmemann’s theology in the light of his attitude to culture and creativity”. *The Quarterly Journal of St. Philaret’s Institute*, 2022, iss. 45, pp. 45–60.
DOI: 10.25803/26587599_2023_45_45.

13 декабря 2023 г. исполнится 40 лет со дня кончины протопресвитера Александра Шмемана, а 13 сентября 2021 г. мы отмечали 100 лет со дня его рождения. Юбилейные даты дают повод для перечитывания его произведений, переосмысления его творчества, более пристального взглядывания в его мысли, а также для некоторых выводов о тех тенденциях в русском богословии, которые именно им были внятно обозначены.

Отец Александр принадлежит к Русскому Зарубежью. Он родился, вырос и умер вне России, но по языку, мышлению, стилю, духу, влияниям, воспитанию и образованию, он, безусловно, принадлежит к русской культуре, является одним из немногих связующих звеньев между нами, ныне живущими, и той, ушедшей, подлинной Россией. Отрыв от России в сочетании с воспитанием «в духе» русской культуры в случае о. Александра (как и многих других русских мыслителей) повлиял на формирование у него своеобразной «дистанции свободы». Переживание и продумывание ситуации краха православной империи оказались продуктивными для становления свободного богословского подхода как к явлениям церковной традиции (богослужения, быта, ритуала, некоторых богословских шаблонов, стереотипов), так и шире — по отношению к русской культуре и культуре вообще.

Одним из значимых аспектов богословия протопр. Александра было его отношение к культуре как к религиозному феномену. Размышления на эту тему рассыпаны по различным трудам богослова (прежде всего — это «Дневники» и беседы на радио «Свобода», отдельные статьи и заметки); единого, сколько-нибудь развернутого сочинения, обобщающего разрозненные мысли по поводу соотношения религии и культуры, о. Александр не оставил, однако, на наш взгляд, именно отношение Шмемана к культуре является ключом к его богословию.

В середине XIX в., всего за несколько десятилетий до рождения о. Александра, говорить в России о религиозной, духовной, богословской значимости произведений светской культуры (литературы, в частности) было очень сложно. Можно вспомнить непростую судьбу архим. Феодора (Бухарева), подвергнутого жесткой критике, в частности — и за признание «духовной ценности» ряда произведений русской литературы, и за богословское оправдание культурного творчества вообще:

Поэт, живописец, или вообще художник — эти творческие натуры потому и таковы, что они уже так сотворены и родились, что несравненно глубже и живее других могут слышать и возвещать всезидущую и управляющую всем любовь... Потому если поэт, вняв такому, уже природному призванию своему от Бога, последует ему твердо и верно, то пусть он будет в отношении к нам иноземец, иноверец, даже язычник — он скажет такое слово, которое будет слушать как слово живое и православный христианский народ, которое вполне уразуметь и передать никто не сможет, кроме христианина, уже постигшего значение жизни [*Феодор (Бухарев)*, 287].

Только через несколько десятилетий после смерти Бухарева о. Павел Флоренский, считавший Бухарева непризнанным гонимым гением, в своих произведениях реабилитировал опального архимандрита (снявшего в конце жизни сан) и, отчасти, продолжил начатую им линию «целостного восприятия культуры», когда богословие мыслится в единстве с лучшими произведениями литературы, философии, искусства и т. д., когда является очевидной религиозность всякого подлинного творчества: «Преподобный Сергей — начало и Данте русского средневековья. Архимандрит Феодор — конец русского Возрождения и начало нового средневековья» [*Флоренский*, 456–457].

Отец Александр Шмеман не сразу выступил как христианский апологет живой творческой мысли в сфере светской

культуры, хотя уже в юности, в Русском кадетском корпусе в Версале, Шмеман увлекся литературой и поэзией, сам пробовал писать стихи. Ректор корпуса, генерал Римский-Корсаков, был замечательным знатоком русской поэзии. Оказавшись в эмиграции, генерал переписал (многое — по памяти) в несколько толстых тетрадей избранные им стихи русских поэтов, прививал кадетам, среди которых особо выделял будущего богослова, любовь к литературе и поэзии. В Свято-Сергиевском богословском институте Шмеман встретился с целой плеядой выдающихся русских ученых — знатоков и ценителей настоящей культуры, в первую очередь с о. Сергием Булгаковым, деканом института, одним из наиболее ярких и точных литературных критиков православного мировоззрения в XX ве. Булгаковские статьи о Пушкине, Достоевском, Чехове и др. до сих пор актуальны, до сих пор помогают осмыслить творчество великих русских писателей с христианских позиций. Христианский подход к творчеству без штампованных назиданий и морализаторства, свободный, как свободно творчество лучших русских писателей, и в то же время точно выхватывающий главное в этом творчестве, — все это мы найдем в работах Булгакова о литературе и искусстве (исключением является, может быть, лишь статья о Пикассо [Булгаков 1993, 527–545]).

Отец Александр многое берет у своего учителя и декана, развивает ряд его идей. Так, в своих размышлениях о Пушкине протопр. Александр явно отталкивается от работы о. Сергия «Жребий Пушкина», написанной к столетию со дня гибели поэта. Булгаков пишет о безусловном понимании Пушкиным святости, «божественности» его поэтического дара. Видение красоты и служение ей творчеством — призвание поэта, имеющее религиозный характер: «Поэт воспринимает мир как откровение красоты, в которой и через которую ему открывается, становится доступной и мудрость. Источник красоты в небесах, истинная красота — от Духа Святого» [Булгаков 2008, 34]. Шмеман не только полностью согласен с о. Сергием Булгаковым по поводу пророческого дара Пушкина и служения красоте как высшего призвания, но он развивает и дополняет эту мысль утверждением принципиальной и полной идеологической и политической «неангажированности» поэта в его творчестве. Пушкин утверждает своим творчеством самоценность культуры, несводимость ее ни к каким утилитарным схемам и задачам: «Он (Пушкин — О.А.) видел в культуре, в подлинной

культуре, величайшую из всех возможных польз, и он не мерил культуру, творчество, искусство, никакими посторонними им мерилами „пользы“» [Шмеман 2021, 83]. Ценность творчества — в нем самом. Далее мы увидим, что о. Александр и богослужение, и богословие мыслит как творчество и сотворчество. Соответственно — никаким утилитарным (прежде всего идеологическим) целям и задачам они служить не могут (без потери главного) и не должны.

Среди преподавателей богословского института в Париже наиболее близким Александру Шмеману оказался проф. В. В. Вейдле, филолог, философ, литературный критик. Переписка и дружба между учеником и учителем продолжалась вплоть до смерти последнего. В одной из последних своих работ, автобиографии-эссе «Зимнее солнце» Вейдле формулирует несколько очень значимых для понимания шмемановского богословия мыслей. Поэзию Владимира Васильевича считает фундаментальным для формирования человека видом искусства:

Вовсе без поэзии, или с поэзией замызанной и фальшивой, ведь и человек — не совсем человек. Этого только те не понимают, кто этику подменяют тощим морализмом, а то и политиканством, притворяющимся этикой [Вейдле 1976, 133].

Искусство же, по мнению Вейдле, не просто связано с религией, оно «дает голос» религии, является языком, проговаривающим религиозные по сути интуиции: «Религия без искусства немеет; искусство без религии — эстетствует и опустошается» [Вейдле 1976, 133]. И в другой, более ранней работе: «...Художественный опыт есть в самой своей глубине опыт религиозный» [Вейдле 1937, 133], «Из религии исходит и в религию возвращается всякое искусство...» [Вейдле 1937, 134].

Отдельные «максимы» Шмемана в его рассуждениях о взаимоотношениях религии и искусства, видимо, во многом обусловлены взглядами его любимого учителя В. В. Вейдле:

...На глубине нет грани между искусством «религиозным» и «светским». Подлинное искусство все из «религиозной» глубины человека... <...> В пределе же нужно не (еще одно) богословское оправдание искусства, отеческое и милостивое его допущение. Само богословие подсудно искусству, ибо должно им стать и его в себе «исполнить», но этого не делает, предпочитая выдавать себя за «науку» [Шмеман 2005, 270].

Именно такое понимание искусства как проявления религиозной глубины человека и богословия как высшего искусства, дающего «насыщение» (слово «исполнение» у Шмемана явно приведено в его церковнославянском значении) всем алчущим правды, смысла и красоты, — именно такое понимание, спроецированное на конкретные вопросы церковной истории, литургики, канонического права, вероучения оказывается продуктивным для их верного и «красивого» разрешения.

Из размышлений о. Александра видно, что богословие и религиозная жизнь вообще — это, прежде всего, творчество, а творчество неразрывно связано со свободой, свободным видением. Богослову нужно не бесконечное повторение и воспроизведение, а собственное слово, понимание, собственные образы и формы, опирающиеся, безусловно, на базовые вероучительные положения христианской традиции (и имеющие в конечном итоге источник в подлинном вдохновении как приобщении к божественному знанию, как видении богосозданной гармонии и красоты). Богословие, как и искусство (как и философия, и литература), оперирует не столько фактами, оторванными от целостной картины мира, экспериментально доказуемыми (что мы видим в точных и естественных науках), сколько символами и образами, всегда лично окрашенными и в то же время всегда связанными с мировоззрением поэта-художника-композитора-богослова, культурным контекстом времени, в котором он живет и творит. Уже в первом развернутом научном труде, посвященном истории Византии («Исторический путь Православия»), Шмеман формулирует основные мысли о Церкви и церковной жизни, которые базируются на основной интуиции его собственной жизни и творчества. Церковь оценивается богословом как творческая свобода, призванная преображать мир. Приобщаясь к Царству Божьему, Церковь становится основой для приобщения к Нему всего мира:

Христом Царство Божие вошло в человеческую жизнь, чтобы обновить ее. И если в свете этого Царства «проходит образ мира сего», то неизбежность конца — как раз и делает служение христиан столь ответственным, а все в мире целью этого служения [*Шмеман 1993, 28*].

Творческой христианской свободе противостоит язычество, языческое мировоззрение, которое живо, и суть которого протопр. Александр определяет как

подчинение человека иррациональным силам, которые он ощущает в природе, понимание мира и жизни в нем как «судьбы», зависящей от этих сил. Человек может так или иначе «умилостивить» эти силы, откупиться от них — жертвой, культом, до некоторой степени он даже управляет ими — «магией», но не может осмыслить их и тем паче освободиться от них... [Шмеман 1993, 136].

Христианство, по мысли богослова, должно открывать «истинный смысл жизни», смысл веры, свободной от магии и формализма (когда из формы творится идол, заслоняющий подлинный смысл).

Шмеман критикует Византию за непреодоленное до конца язычество, за малое присутствие в жизни народа и государства подлинной христианской свободы, но в то же время он отмечает, что Истина в конце концов в Империи побеждает всегда, и это — Истина Православия. Попрание же «евангельского идеала религиозной свободы» привело в конце концов Империю к упадку. По мысли богослова, «христианская теократия, которая уже не только благодатью, но и законом приводит ко Христу», носит «языческий характер»: «И пройдет много времени, — пишет Шмеман, — прежде чем осознан будет языческий характер этой теократии. С Феодосия Великого Церковь — это уже не только союз поверивших, но и союз обязанных верить» [Шмеман 1993, 151]. «Языческий» в данном случае означает указание на то, что насильственное приведение к вере носит вовсе не православный и не христианский характер.

Именно язычество, непреодоленное в «православном мире», приводит к тому, что идеализация прошлого начинает мешать свободному творческому процессу как в богословском осмыслении современности, так и в церковных культуре, искусстве, в том числе — в богослужении. В «Дневниках», создававшихся примерно через тридцать лет после «Исторического пути Православия», рассуждая об «историческом кризисе Православия», Шмеман говорит об «отрицании перемены как категории жизни» как о преобладающем «самочувствии» «православного мира»:

Всякая перемена ситуации, т. е. сама история, вызывала и вызывает у православных рефлексию предельно негативную, состоящую, в сущности, в отрицании перемены, в сведении ее ко «злу», искушению, демоническому натиску. Но это совсем не верность вере или, скажем, догматам, неизменным во всех изменениях. Догматами, «содержанием» веры православный мир перестал жить и интересоваться давно. Это именно отрицание перемены

как категории жизни. Новая ситуация неверна, плоха только потому, что она новая. И это априорное ее отрицание не позволяет даже понять ее, оценить в категориях веры и по-настоящему «встретить» ее. Уход и отрицание, но никогда не понимание [Шмеман 2005, 65].

Отец Александр критикует статичность «православного мира» с позиции человека европейской культуры, воспринявшего фундаментальные для XX в. идеи философии диалога, получившие импульс в творчестве Ф. М. Достоевского, развивавшиеся В. И. Ивановым, М. Бубером, М. М. Бахтиным. Диалог — это взаимодействие, прежде всего, личностей, свободных, творческих, ориентированных на Истину или на искренний напряженный ее поиск. Всякое нивелирование права личности на творческую работу, всякое массовое «насаждение сверху» того, как следует верить и служить, жесткая регламентация всего и отрицание возможности перемен — вредит церкви с точки зрения о. Александра.

Безусловно, существуют догматы, незыблемые вероучительные основания, но есть и многое другое в жизни церкви, обусловленное историческим контекстом, временем, культурой той или иной эпохи. Надо уметь различать преходящее и фундаментальное и не связывать жестко одно с другим. Иначе утверждающийся псевдо-неизменный «православный мир» на деле все дальше отходит от реальности, от живой истории и культуры:

Исторически центральной и определяющей в Православии всегда была категория не православия по существу, т. е. Истины, а именно «православного мира», неизменного потому, что он православный, православного потому, что он неизменный. Поскольку же мир этот неизбежно и даже радикально менялся, то первым симптомом кризиса нужно признать глубокую шизофрению, постепенно вошедшую в православную психику: жизнь в нереальном, несуществующем мире, утвердившемся как реальный и существующий. <...> Но только это отрицание, это «незамечание» истории, конечно, не прошло, не могло пройти Православию даром. Вместо того, чтобы понять «перемены» и потому справиться с ними, Православие оказалось попросту раздавленным ими. На деле оно изнутри определено и окрашено и подавлено как раз теми «переменами», которые оно отрицает, определено неким «надрывом». Этот надрывный уход каждого — будь то к «Отцам», будь то к Типикону или же в католичество, в эллинизм, в «духовность», в русизм, в быт, в безытность, но непременно уход, отрицание сильнее, чем утверждение, это цепляние за стиль, за форму, за букву, этот страх, пронизывающий православный «мир» [Шмеман 2005, 65].

С идеей творческой свободы во Христе неразрывно связана основная тема или идея о. Александра — эсхатологичность христианского мировоззрения. Сам он свою основную идею называет идеей «отнесенности»: «...Моей идеей, моим „вопросом“, я думаю, нужно признать идею *отнесенности*. Отнесенности всего к Царству Божьему как откровению и содержанию христианства. „Новая жизнь“ начинается с этой отнесенности и в ней исполняется» [Шмеман 2005, 372–373].

В большинстве произведений богослова эта идея является основной. В книге «Богословие протопр. Александра Шмемана в контексте европейской культуры» я писал:

Действительно, основной идеей, главной интуицией богослова можно считать «эсхатологическую отнесенность» христианства к Царству Божию. Во всех поднимаемых богословом вопросах ответ один и основывается он на проверке по одному критерию — отнесенности–прозрачности–просвечиваемости к—для Царства Христа. Иерарх не должен «заслонять» Христа, Евхаристия — явление Царства, подлинная культура — видение Красоты Царства и т. д. Грехопадение — длится. Человек, в большинстве своем, слеп и глух. «Эсхатологически» слеп и глух. И Церковь, по Шмеману, призвана быть собранием реально видящих и слышащих. Реально, т. е. по заповедям Божиим, учению Христа, живущих... [Агапов, 157].

Если же всего этого нет, то идолом становится даже то, что изначально выросло из «отнесенности», было призвано приводить к ней и являть ее:

«Новая жизнь» начинается с этой отнесенности и в ней исполняется. Грех христиан — это ограниченность кругозора, это нарушение, пресечение отнесенности, пресечение ее идолами и идолопоклонством. Причем глубина и «новизна» этого греха в том, что идолом тут становится нечто, в сущности своей выросшее *из и для* «отнесенности»: Церковь, богослужение, богословие, благочестие, сама, так сказать, «религия» [Шмеман 2005, 373].

Иными словами «отнесенность» может быть «пресечена» чем угодно: там, где заканчивается творческая свободная активность человека — вырастают идолы.

Это касается, как пишет о. Александр, и богослужения. Шмеман критикует мнение о «мистериальности» всякого богослужения, как языческого, так и христианского. Он подчеркивает, что

«...ранняя Церковь открыто и сознательно противопоставляла себя и свой культ „мистериям“» [Шмеман 2006а, 92].

Некоторая внешняя схожесть христианской литургии и мистерий могла иметь место, но, как рассуждает богослов, здесь главное — не «формы культа», а его «восприятие или переживание общиной», что, в свою очередь, неразрывно связано с пониманием культа:

Дело в глубочайшем различии в самом понимании культа, его смысла и его функции, еще точнее, в соотношении веры и культа. Мистерию, мистериальную религиозность самым общим образом можно определить как веру в культ, в его спасительную и освящающую силу [Шмеман 2006а, 92].

Мистерия «по Шмеману» — это «религиозно-драматическое, ритуальное изображение и воспроизведение некоего мифа, некоей „драмы спасения“». Отец Александр особо подчеркивает, что «от участника мистерии не требуется вера в изображаемый миф, а только вера в спасительную и освящающую силу изображения, т. е. культового акта» [Шмеман 2006а, 93]. Христианство — это «спасительная вера», а не «спасительный культ», «...в нем культ был не объектом веры, а ее результатом» [Шмеман 2006а, 93]. Культ не может быть целью в христианстве, не может быть культом «освящающим», считает богослов, христианский культ — иной: в нем «...сама идея культа перерождается и приобретает новое измерение: быть явлением эсхатологической полноты Царства...» [Шмеман 2006а, 94]. Богослужение призвано «являть» Царство, быть совместным служением нового народа Божьего. Но богослужение и формирует этот народ. Шмеман подчеркивает значимость постепенно сложившегося в Византии устава богослужения для раскрытия веры, божественной Истины, живущей в Церкви. Поэтому, наряду с критикой целого ряда аспектов (вместо эсхатологического богослужебного «прорыва» — мистериальное драматическое самодостаточное «воспоминание», деление церковного народа на «тайносовершителей» и пассивную «массу») главный вывод, безусловно, положительный.

Отец Александр в своих работах часто ссылается на Грегори Дикса, англиканского священника, автора фундаментального труда “The Shape of the Liturgy”, вышедшего в 1945 г., которым явно пользовался и учитель Шмемана протопр. Николай Афанасьев в своих работах о Церкви [Афанасьев 2010] и Евхаристии [Афанасьев 1952]. Особенно очевидно, что русские богословы

продолжают и развивают идеи Дикса о необходимости совершения Евхаристии всем евхаристическим собранием:

Евхаристия — характерное проявление жизни Церкви как Тела Христова — совершается Церковью в целом (а не только духовенством от имени мирян), прежде всего, — в двух действиях, в которых все имеют свою часть: жертва и причастие [Dix, 268].

Отец Александр широко использует исторический метод исследования, предполагающий анализ всех культурных процессов в их контекстуальной обусловленности. Этот же метод Шмеман использует при анализе богослужения и устава богослужения. По мысли богослова и к типикону можно и нужно подходить творчески.

В главном богослужении — основе христианской жизни — Евхаристии Шмеман видит прежде всего творческий «прорыв», для которого, безусловно, важен момент «сотворчества». Евхаристия — не столько начало жизни во Христе и со Христом, сколько свидетельство этой жизни. Отец Александр в своей итоговой книге подчеркивает, что Евхаристия — это не одно из таинств и богослужений, а «явление и *исполнение* Церкви во всей его силе, и святости, и полноте»:

Собранная в Евхаристии Церковь, даже если она ограничена «двумя или тремя», есть образ и осуществление Тела Христова, и только потому собранные смогут *причаститься*, т. е. быть общниками Тела и Крови Христовых, что они являют Его своим собранием [Шмеман 2006б, 221].

Та же мысль в «Дневниках» богослова выписана ярче и резче. Отец Александр говорит уже о принципиальной разнице в первоначальном восприятии Евхаристии и современном, преобладающем в церкви сейчас:

Ранние христиане: Тело Его на престоле, потому что Он среди них. Теперешние христиане: Христос тут, потому что Его Тело на престоле. <...> Там все от знания Христа, от любви к Нему. Здесь — от желания «освятиться». Там к причастию приводит следование Христу и из него вытекает следование Христу. Здесь — Христос почти что «ни при чем». Это почти две разные религии [Шмеман 2005, 67].

В «Дневниках» Шмеман объясняет нам, что вся Евхаристия — «неразделимое таинство», хотя и состоит из «последовательности

актов», поэтому выделять в ней отдельный момент как «тайно-совершительный» — ошибка. Евхаристия являет Царство, причащение становится реальным прежде всего потому, что мы осмысленно, активно, творчески «прорываемся» к Царству; то, что происходит, происходит, прежде всего, с нами, на духовном уровне:

Благодарение возвело нас, Церковь, на небо, к небесному престолу. На небе — *нет* иной Пищи, иного Пития, как Бог, даровавший нам как нашу жизнь Сына Своего. Поэтому хлеб и вино претворяются этим *восхождением* нас, в Сыне, к Отцу. И Дух Святой являет нам его как совершенное, исполненное, завершенное — дарованное нам как *причастие*... [Шмеман 2005, 547].

Протопресвитер Александр говорит о Евхаристии как о творчестве, высшем творчестве, прорыве к Богу. Для христиан, безусловно, Евхаристия — критерий и основа жизни, и творчества, и богословия. Евхаристический опыт приобщения к Богу, творческого прорыва к Нему, открытости для Него христианин процедирует и на жизнь, и на богословие. Богословие в этом смысле евхаристично. Это не является чем-то новым в понимании богословия, о. Александр именно в таком подходе видит подлинно святоотеческую норму. Как отмечает современный исследователь П. Гаврилюк,

для Шмемана возврат к основам патристики предполагал прежде всего преодоление отчуждения богословия и литургии, и, соответственно, восстановление связи между *lex orandi* и *lex credendi*, правилом молитвы и правилом веры [Гаврилюк, 449].

Евхаристия, любовь, творчество, служение, радость — основные понятия о. Александра Шмемана, которыми он пользуется, говоря о свободе во Христе, являющейся подлинной свободой. Началом «богословия свободы», считает богослов, «является экклезиология» [Шмеман 2009, 431].

Итак, можно сделать вывод, что для богословия о. Александра Шмемана творчество и творческая свобода, творческая открытость являются фундаментальными понятиями. Рассматривает ли он историю Церкви или историю богословия, литургику (с основным выводом о необходимости «литургического богословия»), рассуждает ли о творчестве, или творческом пути писателя, или о воспитании и образовании семинаристов — всегда и во всем о. Александр использует критерий «отнесенности», меряет мерой приобщения

личности к Царствию Божию, возвращения тех качеств личности, которые не только становятся залогом жизни вечной, но и являются основным свидетельством начала этой жизни уже здесь и сейчас. Главное творение творческой свободной личности христианина — это собственная жизнь. Евхаристия — главный критерий и постоянная актуализация «единого на потребу» — «отнесенности» жизни к Богу. Как тонко и точно завершает свою статью, посвященную поэтике «Дневников», современный исследователь Ю. В. Балакшина: «Ценностно-завершающий взгляд на дневники о. Александра позволяет нам говорить об их литургичности... об особого рода „таинстве“ приобщения к Царству, которое совершается на их страницах» [Балакшина, 52].

Евхаристия, считает Шмеман, должна «задавать тон» всей жизни христианина, для чего необходимо его полное сознательное творческое активное в ней участие. Евхаристия, одновременно, является выражением, явлением новой жизни человека со Христом и во Христе. Кризис христианства в современном мире, говорит богослов, прежде всего, связан с «принижением» Евхаристии, не выделением ее из общего богослужебного ряда, с подменой творческого прорыва к Богу магией, формальным отношением. Отец Александр большинством своих произведений призывает нас к творчеству в жизни и к жизни как творчеству, которому не будет конца.

Литература / References

1. *Агапов = Агапов Олег, прот. Богословие протопресвитера Александра Шмемана в контексте европейской культуры XX века.* Москва; Самара : Книга, 2013. 223 с.
Agarov Oleg, archpriest (2013). *Bogoslovie protopresvitera Aleksandra Schmemana v kontekste evropeiskoi kul'tury XX veka* [The Theology of Protopresbyter Alexander Schmemann in the context of twentieth-century European Culture]. Moscow; Samara : Kniga (in Russian).
2. *Афанасьев 1952 = Афанасьев Николай, протопр. Трапеза Господня.* Париж : Православный Богословский институт, 1952. 92 с.
Afanasyev Nikolay, protopr. (1952). *Trapeza Gospodnya* [The Lord's meal]. Paris : Pravoslavnyi Bogoslovskii Institut (in Russian).
3. *Афанасьев 2010 = Афанасьев Николай, протопр. Церковь Духа Святого.* Киев : Quo Vadis, 2010. 480 с.
Afanasyev Nikolay, protopr. (2010). *Cerkov' Duha Svyatogo* [Church of the Holy Spirit]. Kiev : QUO VADIS (in Russian).

4. *Балакшина* = Балакшина Ю. В. «Пишу только, чтобы „прийти“ в себя от суеты...»: поэтика «Дневников» прот. Александра Шмемана // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 33. С. 47–52.
Balakshina Yu. V. (2011). “I write only to ‘come’ to myself from the fusion...”: poetics of the ‘diary’ of archpriest Alexander Schmemann”. *Cherepovets State University Bulletin*, 2011, n. 33, pp. 47–52 (in Russian).
5. *Булгаков 1993* = Булгаков С. Н. Труп красоты // Он же. Сочинения : В 2 т. Т. 2 : Избранные статьи. Москва : Наука, 1993. С. 527–545.
Bulgakov S. (1993). “The corpse of beauty”, in *Idem. Sochineniia* [Works]. Moscow : Nauka, pp. 527–545 (in Russian).
6. *Булгаков 2008* = Булгаков Сергей, прот. Жребий Пушкина // Дела и Дни: Статьи 1903–1944. Мемуарная и дневниковая проза. Москва : Собрание, 2008. С. 21–49.
Bulgakov Sergius, archpriest (2008). “Pushkin’s Lot”, in *Dela i Dni: Stat’i 1903–1944. Mемуарnaia i dnevnikovaia proza* [Deeds and Days: Articles 1903–1944. Memoir and diary prose]. Moscow : Sobranie, 2008, pp. 21–49 (in Russian).
7. *Вейдле 1937* = Вейдле В. Умирание искусства. Париж : РСХД, 1937. 137 с.
Veidle V. (1937). *Umiranie iskusstva* [The Dying of Art]. Paris : R. S. H. (in Russian).
8. *Вейдле 1976* = Вейдле В. Зимнее солнце. Вашингтон : VK, 1976. 196 с.
Veidle V. (1976). *Zimnee solntse* [Winter sun]. Vashington : VK (in Russian).
9. *Гаврилюк* = Гаврилюк П. Георгий Флоровский и религиозно-философский ренессанс. Киев : Дух і Літера, 2017. 536 с.
Gavriilyuk P. (2017). *Georgii Florovskii i religiozno-filosofskii renessans* [George Florovsky and the Religious and Philosophical Renaissance]. Kiev : Duh i Litera (in Russian).
10. *Феодор (Бухарев)* = Феодор (Бухарев), архим. Из ранних произведений // О духовных потребностях жизни. Москва : Столица, 1991. С. 253–318.
Feodor (Buharev), archim. (1991). “From early works”, in *O duhovnyh potrebnostyah zhizni* [About the spiritual need of life]. Moscow : Stolica, pp. 253–318 (in Russian).
11. *Флоренский* = Флоренский Павел, свящ. Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания // Собрание сочинений : В 4 т. Т. 3 (2). Москва : Мысль, 2000. С. 386–488.
Florensky Pavel, priest (2000). “Cultural and historical place and prerequisites of the Christian worldview”, in *Sobranie sochinenii* [Works] : in 4 v., v. 3 (2). Moscow : Mysl’, pp. 386–488 (in Russian).
12. *Шмеман 1993* = Шмеман Александр, протопр. Исторический путь Православия. Москва : Паломник, 1993. 390 с.

- Schmemann Alexander, archpriest (1993). *Istoricheskii put' Pravoslaviia* [The Historical Path of Orthodoxy]. Moscow : Palomnik (in Russian).
13. *Шмеман 2005* = Шмеман Александр, протопр. Дневники, 1973–1983. Москва : Русский путь, 2005. 720 с.
Schmemann Alexander, archpriest (2005). *Diaries, 1973–1983*. Moscow : Russkii put' (in Russian).
14. *Шмеман 2006а* = Шмеман Александр, протопр. Введение в литургическое богословие // Литургическое богословие отца Александра Шмемана. Санкт-Петербург : Библиополис, 2006. С. 9–206.
Schmemann Alexander, archpriest (2006a). “Introduction to Liturgical Theology”, in *Liturgicheskoe bogoslovie ottsa Aleksandra Schmemana* [The Liturgical Theology of Father Alexander Schmemann]. St. Petersburg : Bibliopolis, pp. 9–206 (in Russian).
15. *Шмеман 2006б* = Шмеман Александр, протопр. Евхаристия — Таинство Царства // Литургическое богословие отца Александра Шмемана. Санкт-Петербург : Библиополис, 2006. С. 207–414.
Schmemann Alexander, archpriest (2006b). “The Eucharist is the Sacrament of the Kingdom”, in *Liturgicheskoe bogoslovie ottsa Aleksandra Schmemana* [The Liturgical Theology of Father Alexander Schmemann]. St. Petersburg : Bibliopolis, 2006, pp. 207–414 (in Russian).
16. *Шмеман 2009* = Шмеман Александр, протопр. Собрание статей : 1947–1983. Москва : Русский путь, 2009. 896 с.
Schmemann Alexander, archpriest (2009). *Sobranie statei : 1947–1983* [Collection of articles : 1947–1983]. Moscow : Russkii put' (in Russian).
17. *Шмеман 2021* = Шмеман Александр, протопр. Основы русской культуры : Беседы, 1970–1971. Москва : Русский путь : ПСТГУ, 2021. 248 с.
Schmemann Alexander, archpriest (2021). *Osnovy russkoi kul'tury : Besedy, 1970–1971* [Fundamentals of Russian culture : Conversations, 1970–1971]. Moscow : Russkii put' : PSTGU (In Russian).
18. *Dix* = Dix G. (1945). *The Shape of the Liturgy*. London : Dacre Press.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 27.06.2022.